

«Колесо фортуны» Владимира Иллышевича

С отдельными рассказами русского писателя Владимира Иллышевича, живущего в Эстонии, я познакомился несколько лет назад в авторитетных московских литературных журналах. Скажу сразу, они по-настоящему зацепили меня чем-то хорошим: то ли необычным сюжетом, то ли своеобразной интонацией, то ли всем вместе взятым. А такое, согласитесь, нынче случается редко, особенно с искушённым читателем, когда в России издаётся море чита. Именно чита, где среди привычных холоднокровных «рыб» — разнородной литературной стряпни, редко, но всё же мелькнёт «золотой рыбкой» добротная книга.

Имя мне запомнилось: Владимир Иллышевич.

Однако по отдельным разрозненным произведениям ещё трудно судить в целом о творчестве того или иного писателя — его индивидуальности, месте в литературе, значимости. И вот удача! Мой друг, замечательный эссеист и талантливый киноактёр Юрий Конопляников, подарил изданию изданному в Таллине одноименник Владимира Иллышевича с оригинальным и многообещающим названием «Колесо фортуны и другие новеллы», при этом напутствовал: «Прочти, не пожалеешь!».

В сборник вошло 11 новелл. Все они относятся к переломным годам нашей страны, первому десятилетию её катастрофического переустройства и, в частности, отдельно взятой республике Эстонии... Здесь, в Таллине, автор и родился — в городе, где строениям не одна сотня лет. Дома хотя и старые, но чистые, дороги хотя и узкие, но не «убитые», люди хотя и малоразговорчивые, но добрые... И ещё много отличительного «хотя». С юных лет Иллышевич в совершенстве овладел эстонским языком, пропитался местной культурой, историей, прекрасно изучил её быт и жизненный уклад. При всём при этом Владимир Иллышевич оставался и остаётся на твёрдых устоях и позициях глубоко русского человека. Совестьливого, обязательного, сострадающего, исполнительного. Но, прежде чем серьёзно заняться литературой, он прошёл огромную

школу журналиста-международника. Не один год работал в Москве, в странах Северной Европы, много повидал. Хорошо изучил жизнь глубинной России.

В начале 1990-х, когда великая и неделимая держава пошла в раздрой, стала разваливаться, подавляющее большинство её граждан оказались на жизненном перепутье. Самые удачливые подались в крупный бизнес, другие — в «челноки», третьи — в бандиты, позднее обретшие «облагораживающую» аббревиатуру ОПГ.

Писатели, также в одночасье сделавшиеся нищими, а попросту ограбленными бездарными кремлёвскими «мальчишми-кибальчишами», оказались в растерянности, в ступоре. А вскоре, придя в себя, за исключением немногих, лихорадочно кинулись варганить своего Джеймса Бонда, фэнтези, откровенную порнуху... В общем, то, что стало приносить немалый гешефт. К счастью, Владимир Иллышевич оказался среди тех «немногих».

Внимательное зрение и чуткое сердце художника слова графически точно запечатлело в памяти, а потом на бумаге, как по живому резались привычные людские связи, спешно устанавливались новые границы. Останавливали заводы, фабрики, в одночасье по чьему-то злому умыслу ставшие «нерентабельными», а вчерашние цеховики и партийные перерожденцы стали называться «эффективными менеджерами». Вскоре на всём постсоветском пространии эту самую «эффективность» многие народы ощутили на себе тотальным обнищанием. Наступило время, о котором когда-то пророчески сказал Глеб Успенский: «Язык болтал либеральные фразы, а руки тянулись грабить».

Писать о современности во все времена было трудно и ответственно, когда вокруг всегда находилось много соблазнительных жанров и сюжетов, не обременительных для создания и завидно оплачиваемых. И всё же Владимир Иллышевич выбрал для себя первый вариант.

С убийственной оголённой правдивостью он создавал такие произведения, как «Колесо фортуны», «Пожарник», «Карбонарий», «Из жизни отдыхающих

прибалтов», «Виртуальная смерть»... В каждом из них, как в добротном голливудском фильме первой половины прошлого века, перед читателем оживают без всякого литературного припомаживания раздрайные 90-е годы, отразившиеся на судьбах многих конкретных граждан многонациональной нашей страны, оказавшихся перед неизбежным выбором часто в экстремальных ситуациях. И совершенно верно издатель в конце книги, характеризую в целом творчество талантливого писателя, даёт оценку: «Построенные на "прибалтийских" сюжетах новеллы Владимира Иллышевича остры и увлекательны, но они выводят читателя на темы куда более фундаментальные, общечеловеческие, нежели предлагает занимательная канва событий. Прибалтийская среда просто привычна для автора и не более. Зато темы и проблемы, которые поднимаются в его произведениях, как говорится, не знают географических и государственных границ. Они-то, в сущности, и занимают писателя. Утеря традиционных нравственных ориентиров приводит людей к самым непредсказуемым результатам. Даже если

они сами рассчитывали совсем на другое».

Именно такие перипетии и коллизии в судьбах людей показаны с большой художественной яркостью и достоверностью и в других новеллах писателя: «Сволочь», «Дурила», «Киллер», «По ком тюрьма плачет», «В ночь на Ивана Купала», «Хам-бургер». Кстати, о самих названиях новелл. Они — визитная карточка любого произведения, будь это миниатюра или пухлый роман. Заголовок должен попадать точно в яблочко. Иллышевичу это удаётся.

В короткой рецензии я не ставлю задачу глубокого литературоведческого анализа произведений автора. Просто хочется поделиться с возможными читателями новинкой. И тут я, конечно, не могу обойти без внимания стиль писателя. Нынче стало модным «разбавлять» свои произведения длинными и часто «нио чёмными» диалогами, что неумолимо уводит основную фабулу в сторону, размывает. Иллышевич, наоборот, в своих остро сюжетных, психологических с непредсказуемыми концовками новеллах, старается избегать подобных пустопорожних длиннот. Новеллы у него, как того требует жанр, построены крепко, динамично, словно добротный дом в его родном городе, где любой лишний камень, а в нашем контексте слово, будет восприниматься чужеродно.

Есть ли литературные наставники у Иллышевича, которые оказали заметное влияние в начале его творческого пути? Думаю, есть. В психологическом аспекте, наверное, это Достоевский, в мистике — Гоголь, а в сатире — едкая усмешка О. Генри — певца зарождения капитализма за океаном.

Но как бы то ни было, этапно-итоговая книга Владимира Иллышевича «Колесо фортуны и другие новеллы» утверждает, что у нас есть большой русский писатель, по произведениям которого нынешние и будущие читатели, могут судить о непростом отрезке времени, в котором однажды оказалась наша некогда огромная держава и её граждане по вине недалёковидных политиков.

Николай КРАСИЛЬНИКОВ

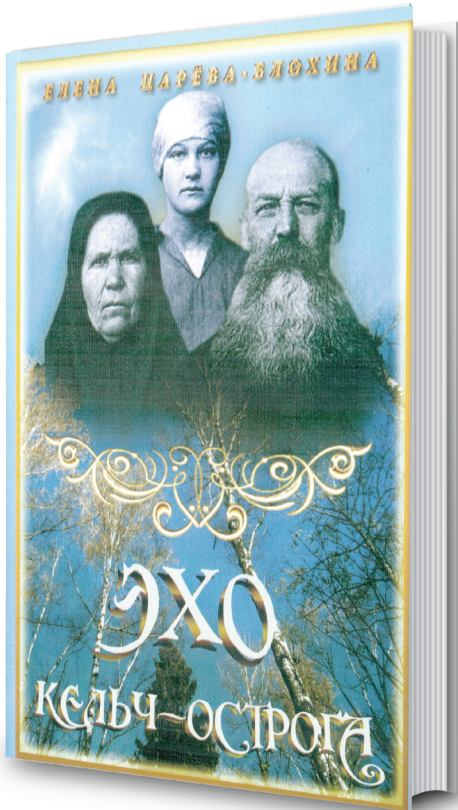
Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсть её предстоит.
Анна Ахматова

Правда, перед которой хочется встать на колени

Ох, и неукротимый народ — старообрядцы! И обыски им учиняли, и арестовывали их, и моленные строить запрещали, а они веру свою не предают, живут себе, хлеб жуют и приговаривают: «Хлебushка — калачу дедушка»...

Как двадцатый век разменял свой первый десяток, как даровал Николай II долгожданные свободы поборникам старой веры в 1905 году, так старообрядчество в Кельч-Остроге и вовсе сильные корни пустило. Об этом и пишет в книге «Эхо Кельч-Острога» исследователь своей родословной Елена Царёва-Блохина. И рассказывает, откуда взялся Кельч-Острог.

Елена Царёва-Блохина — член Союза писателей России, автор книг «Окно в мир» и поэтического сборника «Дыхание души». Более десяти лет занимается в лито «Орбита-1», публиковалась в столичных литературных изданиях, а в 2013 году стала дипломантом всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!», проводимого

Культурным центром Вооружённых сил России.

В предисловии к книге говорится, что розыски своих корней привели Елену в родовое гнездо бабушки, деревню Дмитровку, которая ранее называлась Кельч-Острог. Там и состоялось знакомство с родными людьми и невыдуманными историями из первых уст о предках, нравах и обычаях обитателей Кельч-Острога прошлого столетия.

Неудержимое желание узнать о прадде, простом сельском дьяке, помогло писательнице разыскать настоятеля Ржевской Покровской старообрядческой общины, протоиерея Евгения Чунина, предки которого тоже когда-то жили в Кельч-Остроге и внесли большой вклад в духовное возрождение этого маленького сельского поселения с великим прошлым. Сейчас отец Евгений продолжает духовное кормление деревни.

Книга «Эхо Кельч-Острога» — это попытка облечь в художественную форму ту историческую правду, которую автор в течение трёх лет собирала у старожилов по крупицам. О таких исследователях, как Елена Царёва-Блохина, замечательный русский мыслитель Иван Ильин писал, что именно «из духа семьи и рода,

из духовного и религиозно осмысленного приятия своих родителей и предков родится и утверждается в человеке чувство собственного духовного достоинства». А это, по его мнению, означает, что семья — первооснова родины.

Вот и Елена Царёва-Блохина возвращается с задворок родовой памяти два прекрасных, достойных уважения семейства — Царёвых и Бахтилинских, продолжателем рода которых она является. Сама писательница говорит: «История моего рода — это та правда, перед которой хочется встать на колени. Ещё здесь, на Земле, мне дано почувствовать ту незримую, но вполне ощутимую связь с моим родом, которая укрепляет меня в духе и вере».

Автор пытается найти ответ на вопрос «почему я такая» и говорит: «Писать об истории своего рода — всё равно, что исповедоваться по доверенности». Она знает: ответственность колоссальная. Но ещё хуже — забвение. Разорванные нити родства, как порванные сухожилия, ведут к хромоте. Но если на излечение физического недуга может уйти целая жизнь, то на исцеление хромоты душевной требуются века.

Хорошо, что ей удалось взяться за этот труд и пронести ношу с достоинством.